

The illustration depicts a surreal scene where a blue pyramid floats upside down in a blue sky, its apex pointing towards a brown pyramid on a sandy ground. A vibrant purple and yellow energy burst connects the two pyramids. The text is overlaid on the image: the author's name in the top right, the title in red on the left, and the subtitle in yellow at the bottom.

СЕРГЕЙ
УСКОВ

ПИРАМИДА

ПРЕСТУПНЫХ

ЖЕЛАНИЙ

18+

Сергей Усков

Пирамида преступных желаний

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Усков С. Н.

Пирамида преступных желаний / С. Н. Усков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Подборка рассказов о жажде прекрасного и вечного в бесчинстве человеческих страстей. Многоликое зло искусно втаптывает в грязь. Героям рассказов выпала доля жестко противостоять. Несмотря на обобщенную философскую начинку, каждый рассказ построен на реальной ситуации. Порой эпатажной, порой смешной и грустной. Зачастую вклинена запретная любовь. В беспощадной схватке под якобы мирным небом только воля и странная поддержка извне позволяет отстоять своё особенное счастье.

Содержание

Эссе вместо предисловия	5
Первая учительница	6
Воровской десант	9
1. Компост времени перемен	10
2. В гостях у закона	13
3. Пора на свободу	18
4. Из клетки в небо	22
5. Прокрустово ложе	26
6. Замысел: только кровь смывает следы, только кровь несёт покаяние	30
Инженеры человеческих душ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эссе вместо предисловия

Каждое существо и каждый предмет в нашем бренном мире имеет одно конкретное назначение и свой клочок жизненного пространства. Птица кружит в небе, волк в лесу класает пастью, клещ в траве поджидает добычу. Белая берёза в нежной зелени, монументальны бронзовые стволы сосен, неказистая осина удивляет осенним багрянцем...

И в этот гармоничный мир с четкими элементами саморегулирования и встроенного механизма эволюции приходит человек-человечище, который может будто бы все и хочет жить везде и даже вечно. Он может строить и разрушать, любить и ненавидеть, лелеять и втоптывать в болотную зыбь как невинные тела, так и память о прежних свершениях. Он говорит на разных языках, рычит и воет, ржёт и тоскует. Для него по словам мудрейшего Шри Рамокришна любая религия – это путь к Богу, только разный длины. И на этом пути он тысячу раз споткнется, наделает тысячу бед, больших и малых.

По версии одного эзотерического знания, недоступного для полного понимания, человек возник как ярчайшая дуга особой сверхэнергии между полюсами органического бытия и ментального космоса. Того космоса, что воплотил и мечту о бессмертии, и сказания провидцев, и счастья естественной жизни, и завораживающую бесконечность Вселенной. Лишь сильные эмоции, отточенные чувства, просветленный ум способны удержать каждого индивида человеческой натуры между полюсами двух сакральных пирамид и привнести в окружающее неведомое новое.

Не будет лишним вспомнить известные строки Анны Ахматовой о тайнах творчества: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» – в современном прочтении эти сокровенные строки открывают тему неискоренимости подлинно прекрасного в бесчинстве человеческих страстей.

Причем, применяя принцип пирамиды в упорядочении желаний и влечений, можно с удивлением обнаружить, что на вершине всегда будет благая добрая цель, в отличие от основания, обрастающего преступными желаниями. Как будто созидательная энергия творчества то и дело сбивается на грань преступного. Как будто то и дело протаскиваются и утверждаются фальшивые ценности, порождающие сонм бесспорных преступлений, среди которых цветы добра и любви с непреодолимой силой раскрывают прекрасные соцветия, так разительно отличающиеся от дурно пахнувшего компоста.

Выбранный стиль изложения тематической подборки рассказов и повестей предельно лаконичен и направлен эмоционально изобразить характерное в разнообразных реалиях современной жизни.

Первая учительница

Когда у меня заструилось серебро в волосах, мысли потекли по-иному. Я вдруг ясно понял, что когда-нибудь стану дряхлым дедушкой, но представить этого не мог. Не хочу быть дряхлым, больным и немощным...

Где-то читал, что только тот, кто делает всё правильно с самого начала, с первых осознанных шагов, не страшится старости – для них эта пора как бесконечная золотая осень. Каждый хоть раз ощутил прелесть тех дивных осенних дней с умеренным теплом, безветрием, тишиной, мудрой безглагольностью. Лишь отовсюду струится позолота. Может быть, проблеск серебра в редющей шевелюре – предвестник той позолоты? И пора сделать своеобразную уборку во внутреннем мире?

Случайно обнаружил, что не помню первой учительницы. Той, кто научила читать, писать и считать. Между тем, явственно помню чудесный эпизод с продолжением на всю жизнь...

Это было во втором классе. Я и друг мой Серёга, побросав дома портфели с тетрадками, где алели колы и двойки по всяким там чистописанием и правописанием, собрались в подъезде девятиэтажного дома, по тем временам самой высокой этажности. Мы задумали выполнить чрезвычайно захватывающий трюк: учебный полет в неведомое. Мы уже пробовали, но в этот раз решили пойти дальше.

Для этого надо пробраться в шахту пассажирского лифта. В основании шахты устроена площадка для обслуживания, где можно в полный рост стоять и смотреть, как вверх-вниз над тобой бежит кабина лифта. Дно кабины заканчивалось неким скелетом для обслуживания шахты: такая маленькая клетушка, огражденная символической цепью.

Мы вдвоем втискивались в площадку и ждали, когда кто-нибудь воспользуется лифтом. Пассажир, безучастный и равнодушный – в кабине, мы, преисполненные предвкушением чудесного, формально под ним, но на самом деле – мы взлетали в неизъяснимо захватывающие высоты.

В тот день для остроты ощущения, решили не стоять на площадке, а повиснуть под ней на вытянутых руках, ухватившись кистями рук за нижнюю перекладину. Серёга уже провел первое летное испытание, теперь моя очередь...

Итак, мы приготовились. Я протер мелом руки, мысленно представил, как взлечу с кабиной, – и приятные мурашки ползли по телу... Ждем пождем в полумраке жильцов, запропастившихся на беду.

Наконец, хлопнула входная дверь. Клиент тихими шажками прошел в кабину. Захлопнулись двери, я крепче сжал ладони на перекладине. И... и дверь вдруг снова открылась, потом закрылась, открылась-закрылась... Озадаченный Серега выскочил из шахты, я пулей за ним. Из полуподвального помещения мы вынырнули точно черти из преисподней: чумазые, возбужденные, злые.

На площадке первого этажа стояла девочка. И такая необычная, такая красивая, что у меня заохлонуло сердце, остановилось дыхание. Её светлые волнистые волосы ниспадали на хрупкие плечи. Огромные фиолетовые глаза на белоснежном личике смотрели чуть насмешливо, чуть отстранено, совсем по-взрослому, с каким-то неведомым мне знанием и опытом иной, высшей жизни. В ней не было ни капли кукольного.

– Вы кто? – без тени испуга спросила девочка.

– Мы эскпеме...эскпемери...эскперимонтеры, – напустив на себя важности, ответил Сёрега. Его заводило желание сбить спесь с девчонки.

– Экспериментаторы, – легко проговорила юная краса, звонко рассмеялась.

Я никогда не слышал столь мелодичного голоса. Если и слышал, то в фильме-сказке. Я словно пожирал её глазами. Припомнил, девочка из параллельного класса, недавно появилась в нашей школе.

– И над чем вы экспериментируете?

– Над собой! Ты чего тут делаешь?

– Я всего лишь хочу подняться на лифте на свой этаж. На лифт не хочет. Он не ощущает моего веса. Обычно я хожу с портфелем. Как раз это и добавляет вес.

– Ты дура или как?

– Правильно говорит! – Я вступился за девочку, чем поразил Серёгу, ведь он был за главного. – В лифте есть защитное устройство на вес. Чтобы не гоняли пустой лифт, оно не запускает его, и не даёт включиться при перегрузе. Давай, я буду вместо портфеля. Дополню твой вес.

Я шагнул в кабину. Девочка, мило улыбаясь, вслед. Серега, недовольно сопя, протопал за нами. Лифт легко набрал высоту и, взбрыкнув, остановился.

–

А всё-таки, каким образом вы экспериментируете?

– Мы также катаемся на лифте. Но снизу, без ограждений, цепляемся за дно. И летим параллельно пассажиру, – без обиняков признался я, чем тут же заслужил тычок друга.

Девочка вдруг встрепенулась от испуга, внимательно посмотрела на нас, что-то сверила по наручным часам, сказала:

– Хотите побывать у меня в гостях? Я покажу что-то очень интересное.

– Конечно, хотим, – ответил я за себя и за Серёгу, несмотря на его тычки. Теперь я стал главным.

В прихожей нас встретил большой белый кот. Грациозно выгибая спину, он потерял ноги маленькой хозяйки, затем крадучись подошел к нам. Принюхался – и фыркнул. Девочка рассмеялась, весело сказала нам, чтобы вымыли руки и чумазные рожицы.

Милая хозяйка, органично входя в роль, заварила чай, достала торт «Птичье молоко», по тем временам дефицитный. Мы втроем сели за стол. Ни мало не смущаясь Серега стал наворачивать один кусок торта за другим. Я лишь надкусил предложенное угощение. Мне нужно было другое. После чая прошли в комнату, и я поразился убранству.

На полу толстый и мягкий ковер ручной работы с необычным орнаментом, на стенах картины в отливающих золотом багетах. Массивный книжный шкаф, заполненный старинными книгами в толстых переплетах. Коллекция фарфоровых статуэток. Огромное, как мне показалось, пианино, поблескивающее гладью тщательно отполированного лака густого вишневого цвета.

– Ты как восточная принцесса живешь! – сказал я, не сдерживая восторг.

– Может быть. Мой папа ученый и работает в секретном институте. А мама учитель сольфеджио в музыкальной школе... Учит нотной грамоте, – пояснила юная красавица.

– Ни фиги себе, – с присвистом произнес Серега, растянувшись на ковре, – Зачем нужно сольфеджио? Чтобы купить такой ковер?

(По тем советским временам интеллигентная прослойка общества жила в материальном плане очень хорошо).

– Чтобы научиться прекрасному. Вместо музыкальной грамоты может быть что-нибудь другое. Увлечение, интерес, делать прекрасное своими руками. Я ещё изучаю французский язык, историю этой страны. Но больше всего люблю музыку.

– Как можно любить, что нельзя потрогать руками. Любить, чего нет... Пока не зазвучит. Сказала бы – нравится.

– Для меня она есть. Это невидимое прекрасное имеет разные формы. Музыка – одна из форм и звучит под его влиянием. Давайте я вам сыграю. Что хотите услышать?

– Мурку! – Серега со смехом обозначил тему и запел: – Мурка, ты мой котенок. Мурка, ты мой муренок...

– Сыграй что-нибудь из Чайковского, – поспешил сказать я. В зимние каникулы мы с мамой ходили на балет «Щелкунчик»

– Хорошо! – Девочка улыбнулась, положила руки на клавиши.

Она, легкая изящная воздушная, словно в мгновение наполнилась как раз тем прекрасным и невидимым, что было в мире, что добавило ей тот самый материальный вес, который не смог уловить бездушный механизм лифта. Я видел не тщедушную девочку – царственную фею с длинными шелковыми волосами, с гордо выгнутой спиной, сияющими глазами на утонченном божественном личике...

Её длинные пальчики искусно бегали по клавишам, извлекая звуки и соединяя их в музыку. Внимая одухотворенной девочке, я решил для себя точно и окончательно – она неземное существо, она – лучший учитель прекрасного, которое в каждом её движении, в каждом взгляде, в каждой линии и черточке тела, лишённого земной тяжести.

Когда девочка закончила играть, я был оглушен внезапной пустотой. Я и она, словно приходили в себя, возвращались в этот мир. Вдобавок Серега резанул по ушам:

– А песня про Мурку лучше!

Девочка поморщилась, вздохнула, сказала, точно спохватившись:

– Так, мальчики, мне уже поры собираться в музыкальную школу. Мои дни расписаны по минутам, чтобы ни одной минутки не пропали даром.

– А где то интересное, что хотела показать? – буркнул Серёга.

– Ты не заметил? – спросил я. Он помотал головой. – Тогда и объяснять незачем.

– Давай дружить, – сказал я девочке.

– Давай! – не замедлила ответить она. – Только чур, ты должен научиться делать прекрасное и быть необычным, чтобы было интересно с тобой, чтобы каждый день запомнился!

– Хорошо! Буду учиться и этому. Пока.

– Пока. Можешь завтра мне позвонить в это же время.

Мы вышли на лестничную клетку. Серёга, зевая и почёсывая за ухом, сказал:

– Ну чо, прокатимся на лифте по разу?

– Знаешь что, Серёга, жалко времени! Пойду-ка учить уроки.

PS: Девочка недолго жила в нашем доме: её папу перевели на более ответственную работу, и дороги наши как будто разошлись. Однако, когда я стал уже взрослым, вдруг встретил девушку с точно таким же именем и такой же неземной одухотворенности, и однажды услышал от неё: «Ты такой необычный и, порой, умеешь так искусно делать прекрасным и запоминающимся почти каждый день!» Я хлопнул себя по лбу, мгновенно вспомнив хрупкую и светлую девочку из параллельного класса... Выходит, справился с её задачей?! Чудеса, да и только!

Воровской десант

*Наш век – амбар ростовщика,
Где всё прогнило, изветшало,
Но чья-то добрая рука
Остатки в кучу пеструю собрала.
Какой там с виду сложен хлам!
Добро и зло лежат в обнимку.
То тут валяется, то там
Кусок стыда, кусочек чести,
Остаток дружбы роковой,
Кусман отрадного раздолья,
Частица удали былой,
Любовь, изъеденная молью...
На самом дне, в сыром углу –
Искрится правда на полу,
И та с обманом
Как будто бы в ладу...*

из тетради осужденного (Свердловская область, поселок Сан-Донато, колония строгого режима, 1985 год)

1. Компост времени перемен

Крепко сбитый брюнет в безупречном сером костюме, в эксклюзивных ботинках от знаменитой фирмы, вольготно развалившись в исполинском кожаном кресле, с наслаждением курил толстую кубинскую сигару и потягивал светлый шотландский виски. Он любил ароматный дым сигар за внезапную бодрость ума, приходящую вместе с легкими клубами горящего элитного табака. Как будто также горела его жизнь, оставляя тонкое внезапное удовольствие. А малые порции превосходного виски позволяли сгладить острые рифы бесконечных проблем.

Между тем, брюнет конкретно размышлял, где последняя грань терпения, и какая боль рушит гордое Я, устанавливая тотальную власть. Казалось бы, какой резон утруждать себя подобными изысками? Не оттого ли, что стенания корчившегося в дыбе человечища-человечка вызывали досаду. Досаду от чужого упрямства и напрасно теряемого времени.

Боль, как многоглавый дракон или стая хищных птиц, так или иначе, растерзает незащищенное тело. С каждым кусочком плоти, беспощадно отрываемым или умерщвляемым, так называемой душе будет теснее и теснее. Настанет миг, она возопиет необыкновенно жутким голосом. Этот вопль смерти брюнет слышал не раз. Он благоговел перед ним и считал этот особый гортанный звук и есть отчаянный рывок между небытием и вечной жизнью.

Бывает, что иные в последний миг напрягаются безгласно и легко – этих уже ждут там, в другой жизни, ждут черти или ангелы. Брюнету остается труп, с которого взять нечего. Поэтому и требовалось умно и тонко направлять работу громилы-палача, чтобы несчастный, растянутый в дыбе, стал шелковым податливым как глина, из которой Бог слепил прачеловека.

На этот раз лепить человекообразное существо будет он – элегантный господин с бокалом виски, поймавший в узду частицу животворящего духа. Впрочем, многого не потребует от полученного в результате психофизической обработки терпилы. Пусть живет по своим понятиям и напрягает предприимчивую голову, как обеспечить себе – прирост капитала, своему господину, князю тьмы и кинжала, – неиссякаемый бокал виски. А также обеспечить регулярный платеж по фиксированной ставке в подпольный банк реконструкции и развития древней страны Зазеркалья – страны ортодоксальных воров.

Жестокое воинство элегантного господина построено по старым нерушимым правилам: разведка (наводчики) выявляет возможных клиентов (терпил), натренированные молодчики (братки) склоняют клиента к сотрудничеству, мобильная ударная группа собирает подать. Изредка, для особо значимых персон, сам господин проводит вразумление (пытку). По любимому городу господин перемещается в супермощном бронированном внедорожнике, где из вдруг приспущенного черного стекла, как из амбразура дота, того и гляди появиться закопченное дуло гранатомета.

Однако, гранатомет, автомат – это поветрие времени. Господин иного оружия, кроме как искусно сделанной воровской финки, никогда и не держал при себе. Его главное оружие – непререкаемый авторитет, изошренный ум и громадный опыт.

Говорил он внушительно и медленно, словно давая время осознать завершенность и значимость изрекаемых слов. Тем, кому было мало простых и ясных доводов, помогал уразуметь Минееч еще более простым и внятным способом.

Минееч, огромный и толстый детина, когда-то был непревзойденным рубщиком мяса на колхозном рынке. Одним махом топора кроил мороженную говяжью тушу на аккуратные кусочки. Также хорошо получалось забить и освежевать возвращенное животное. Труд его в советское время ценился очень высоко, денег не меряно, как в карманах, так и на сберкнижке. Неожиданно грянувшая перестройка превратила в нули его пухлый сберегательный

счет. Немалая семья Минееча, привыкшая к сытости и почету, однозначно требовала продолжения сладкой жизни.

Жизненное пространство превратилось в сплошной рынок. Первыми людьми на рынке стали коммерсанты, значит, в эту масть и следует перейти. На остатки сбережений Минееч купил ларек, кой-какой товар – и продолжил бедствовать. Чего никак не мог понять. Порой ему просто хотелось отдубасить разборчивого покупателя, обходящего стороной его торговую точку, или для облегчения сердца со всего маху въехать по физиономии любому, кто начинал копаться, прицениваться, выискивать недостатки в его товаре.

Торговля шла плохо. Баснословных барышей и в помине нет. Как-то наехали на него братки-рэкетеры. Вот тут Минееч себя показал: копившаяся ярость нашла, наконец, выход. Он бы забил братков до смерти, освежевал тут же на месте и продал бы мясо по народной цене в харчевню на плов, если не появившейся внезапно брюнет в черном бронированном джипе. Ему Минееч так и объяснил, просто, без тени смущения, раскаяния и раболепства.

Брюнет усмехнулся и предложил делать тоже самое, но в его команде. По-существу предложил работать по специальности мясника, однако шинковать пришлось бы человеческие тела.

Огромные руки Минееча быстро научились вызывать нестерпимую боль, так что по коже его бежал приятный озноб и маленькие глазки на заплывшем лице оживлялись дьявольским огнем и, казалось, на лысом черепе растут характерные роговые наросты сатаны. Перед тем как пустить в ход какой-нибудь затейливый инструмент пытки, он разглядывал его внимательно, поворачивая и так и сяк, любуясь качественно изготовленной вещью из прочной высоколегированной стали и примеряя в своем заскорузлом воображении этот прибор к телу несчастного...

Брюнет щелкнул двумя пальцами в воздухе – Минееч устремил на хозяина преданный взгляд. Увидел поднятый вверх большой палец, что означало увеличить болевой шок.

На что уповать связанному по рукам и ногам, в застенках поклонника сатаны, чтобы не умереть и не превратиться в гадкого уродца? На гражданский закон и неминуемое возмездие? – только на милость истязующих и согласие подчиниться. Это и только это добивался брюнет. И слегка досадовал отчасти и на себя: не хватает правильных слов втолковать самоуверенному идиоту, что для его же блага надлежало ежемесячно платить ему, воровскому авторитету, всего-то, скажем, 13 процентов от своих доходов. Это с налоговой инспекцией можно играть в прятки, хитрить и ловчить, воровские правила короткие и беспощадные.

– Минееч! – крикнул брюнет. – Сделай, чтобы не кричал так громко. Горло, что ли, прижги. Кипятильник затолкай ему пасть и включи, чтобы дымок из ноздрей пошёл. Голова что-то начинает побаливать.

– Будь сделано, – пробасил Минееч и пудовым кулаком сплющил живот клиента, грубо ухватил за волосы поникшую голову, впихнул поглубже в рот нагревательный прибор, подал электрический ток. Повалил едкий дым горелого мяса.

– Витамин! – прорычал Минееч. – Он кончился! Копец ему, от страха, видать. Обоссался и обосрался вдобавок.

Брюнет, недовольно морщась, подошел с бокалом в руке к распятому, выплеснул остатки виски в остекленевшие глаза на окровавленном лице.

– Может быть, надо было начать с жены и детей, – в оправдание вякнул Минееч.

– Почему ток через реостат не пустил? Начал бы постепенно его увеличивать: 50, 100, 200 вольт. А ты сразу напрямую 220 подал. Эх, лениться гляжу, начал.

– Да он упертый, гад такой! Я посчитал, что его и 380 вольтами не проймешь. А вишь, скопытился.

– Ну да ладно, не переживай. – Витамин похлопал Минееча по плечу. – Теперь запакуй отходы в сумку. Наверно на три части лучше разъединить – смотри сам как сделать. Отвези на кострище наше. Пепел не забудь развеять. Можешь над огородом своим. Ох, и знатная кар-

тошка когда-нибудь у тебя уродится! Потом тащи его жену сюда. Пусть эта телка нам заплатит, или передаст его дела в наши руки. У меня есть пара толковых ребяташек: одна бухгалтер, в студентках её приметил, в бумагах всегда у нее порядок, такую отчетную документацию готовит, никто не придерется, не найдет, где наши деньги, где чистые. Второй пацанёнок – Сима, такой же был лавочник как и ты, знаешь поди, соседствовали когда-то.

– Знаю, ушлый и верткий.

– Давай действуй. Свяжешься с Круглым: он организует доставку телки. Да смотри, чтобы все аккуратно было. Чтобы она живой осталась, а дела передала нам.

Отдав распоряжение, Витамин вновь развалился в кресле, чтобы докурить сигару и допить виски, но странная усталость смежила веки. Витамин взглянул на часы и допустил к себе десятиминутный сон...

2. В гостях у закона

...Внезапно Витамин пробудился и резко расширил глаза, словно хотел воочию узреть ускользающий сон. Обрывочные видения были слишком яркими, чтобы посчитать их за сон, и слишком необычными, чтобы быть реальностью. Стоило прикрыть глаза и уступить место как будто благодатному сну, как из неведомых тайников уставшего мозга вылезали дремучие химеры, ширились и проказили, стирая грани времени и переводя кошмар в реальное измерение. Когда это им удавалось, Витамин вскакивал с неистовым желанием запомнить и связать воедино живые картины, где только что был. Уяснить суть замысловатого действия и отчетливо понять: он-то тут причем, что вообще это значит и, путаясь в мыслях, снова забывался коротким лихорадочным сном.

Витамин подумывал: в самом деле, не болезнь ли это? – чудная, непонятная, изымающая радость из жизни болезнь, которая вселяет усиливающуюся тревогу, скуку и злость, страх перед сном. И вся эта хмурая команда негатива будто призвана поочередно терзать чернеющую душу и стягивать удавкой горло. Ему не вырваться ещё потому, что здесь само слово свобода взято под запрет.

Колония строгого режима. Сибирь. Тайга. Крохотный клочок земли охраняется ротой откормленных солдат полевой жандармерии и огражден прочным бетонным забором. Электронная система охраны, размещенная по обе стороны бетонного забора, или иначе – основного ограждения, делает невозможным преодолеть рубежи охраны незамеченным.

По обе стороны от основного ограждения одинаковые широкие контрольно-следовые полосы: внутренняя и внешняя. Внутренняя контрольно-следовая полоса заполнена сплошным объемным потоком радиоволн, которые испускают и принимают радиолучевые датчики.

Если червяком проползти к основному ограждению, то там караулят еще пара хитроумных технических устройств. Первое – инфракрасный тонкий, словно растяжка, луч, который невозможно не прервать, влезая на забор. Второе – козырек забора, сделанный из нескольких рядов натянутой проволоки, или точнее оголенных проводов, с низким калиброванным напряжением. При касании проводов козырька меняется их электрическая емкость и срабатывает сигнал тревоги, также как и при прерывании радиолучевых и инфракрасных датчиков. По громкой связи объявляется общая тревога. Настораживается охранник на вышке и готовит автомат к бою; выбегает группа захвата. Как только беглец преодолеет основное ограждение и попадет на внешнюю контрольно-следовую полосу, охранник обязан открыть огонь на поражение.

Пусть у солдатики заклинит автомат Калашникова или беглецу удастся как в затяжном прыжке с батутом перелететь внутреннюю контрольно-следовую полосу с основным ограждением и перескочить внешнюю контрольно-следовую полосу.

Здесь неприступным бастионом стоят два изошренные инженерные сооружения. Первое мило наречено «Кактус»; второе – «Шиповник». Тот, который «Кактус» – колючка в человеческий рост, по его ошестинившейся проволоке пропущен особый импульсный электрический ток – он не убивает, но отшвыривает сумевшего приблизиться к опасной колючке на расстоянии локтя.

Если подкупить часового-оператора инженерно-технических средств охраны, и он отключит на несколько минут электропитание «Кактуса», перемахнуть эту колючку можно в два счета. Останется «Шиповник» – это пяти-(а местами и семи)-метровое в высоту ограждение из металлоконструкций, по которому в несколько рядов по всей высоте развешаны мотки тонкой проволоки – в них беглец запутывается, как муха в паутине, с каждым движением он будет стягивать к себе новые и новые витки проволоки.

Потом в вразвалочку подойдут солдаты. Хохоचा и гогоча, баграми сдвинут проволоку, клещами срежут ее, извлекут бедолагу-беглеца и пинками водворят на место.

Есть соблазн сделать подкоп под основное ограждение, как в известном фильме «Побег из Шоушенка». Ширина всей полосы заградительных сооружений 15 метров, добавить сюда метров двести-триста от начала подкопа. Получится немного, учитывая срок заключения в десять лет. Однако, по всему периметру основного ограждения установлены акустические датчики подслушивающей охранной системы. Головной прибор поочередно включает датчики и проверяет наличие акустических сигналов (опрашивает!).

Сооружая подземный ход, заключенный, безусловно, выйдет в прослушиваемую зону. Прибор выдаст сигнал тревоги и укажет на подозрительный участок. Часовой-оператор надевает наушники и прослушивает сигналы с тревожного датчика, установленного на периметре охраняемого объекта. Он без труда различит звуки вгрызающиеся в грунт лопаты. Далее как писанному: из караула прибудет группа захвата со злыми овчарками.

Одни «цветы» на полосе препятствий: радиолучевые датчики – «Пион»; инфракрасные —«Мак»; колючка – «Кактус» и «Шиповник» противоподкопная система – «Подснежник». Поэтому-то Витамин и не любил обыкновенные цветы. Устройство охраняемого периметра Витамин давным-давно выведал у подкормленного прапорщика. Сам поднимался на смотровую вышку с внутренней стороны охраняемого периметра, на которой несет дозор добровольный часовой – зык-вертухай, активист СПП (службы правопорядка колонии). Витамин всматривался в широкие контрольно-следовые полосы по обе стороны бетонного забора, на неприметные электронные датчики, на устрашающий «Кактус» и неприступный «Шиповник», на соседнюю через основное ограждение вышку, где с сонным и тупым лицом перетапывался молоденький солдатик с автоматом на плече.

Витамин знал, что к автомату два магазина по десять патронов в каждом, и что один патрон уже под курком. Пока солдатик будет всаживать свои двадцать патронов по движущейся цели, к нему на подмогу в считанные минуты прибудет резервная группа во главе с сержантом-мордоворотом. Витамин давно убедился, что преодолеть охранную зону колонии строгого режима невозможно.

Теперь он поднимался на вышку зыка-вертухая, чтобы всколыхнуть себя невнятным волнением от показавшихся просторов, освежить бледные щеки ароматным и свежим ветерком. Вглядываясь вдаль, все-таки, отмечал для себя: так ли бдительно несет службу часовой, хорошо ли вспахана и проторонена контрольно-следовая полоса.

Именно в эту отсидку вдруг потребовалось срочно и очень аккуратно переместиться на волю, в гражданское общество, и не дать уплыть в чужие руки своему немалому капиталу. Здесь в зоне, как в некоем профилактории для заслуженных воров, было достаточно уединения, чтобы отдохнуть и обдумать ситуацию, чреватую нехорошими последствиями. Витамин понял каким образом его жестоко и злорадно кинули, оттерли ноги и отшвырнули за ненадобностью. Верный Минееч регулярно пересылал весточки; он, как мог, отслеживал ситуацию в городе по интересам хозяина.

Из полученной информации Витамин окончательно убедился: его посчитали за отработанный материал, поэтому-то и состряпано дельце, засудили и бросили гнить на тюремные нары. Те, кому он принес несметный капитал, и те, которых провел смотрящими в созданную на его деньги мощную корпорацию, просто-напросто предали, отказались от устных договоренностей. И вся их милость в том, что не убили, а лишь убрали с глаз долой в железную клетку. Так разбогатевшие детки чураются чумазных родителей.

Витамин прошел в крохотный кабинет в казенном доме, именуемым отрядом, сел за письменный стол, раскрыл толстый обшарпанный журнал, названный почему-то «Амбарная книга». Каждое утро в журнале делал запись относительно состояния вверенного хозяйства.

На нем была черная отутюженная униформа осужденного. Ворот куртки расстегнут, и виднелась белейшая сорочка.

– Зайка! – крикнул Витамин.

Миготом отворилась дверь, и на пороге появился верткий юркий паренек (шнырь отряда). Услужливо выгнув спину, он подал голову вперед, так что большие уши готовы уловить малейшее движение губ, а смазливые глазенки жадно прилепились угодливым взглядом к всесильному хозяину этого отряда осужденных.

– Завари-ка чай. Возьми английского «Ахмад», и сделай так, чтобы свет чая был слегка вишневым.

– Будь сделано.

– Да постой не убегай. Быстрый какой! Я же не все сказал. Возьми у безногого шоколад, у косоного – курево. Да кликни еще Антона. Теперь иди.

В предвкушении ароматного крепчайшего чая бледное лицо Витамина слегка порозовело. Зайка вскоре принес кружку божественного напитка и сладости на подносе, поставил его на стол перед Витамином, сам притулился на стульчике чуть поодаль. Вскоре пришёл и Антон.

– Усаживайся, Антон, удобнее. Буду байки говорить... Как сказал один наш поэт: «У меня у закона дом готов всегда, кружка чая крутого – и не надо вина!» – с удовольствием негромко продекламировал Витамин. – Хорошо сказано! Знаешь ли ты, Зайка, чьи это строки? Нет? Да и я не знаю. В нашем славном воровском мире всяк делает по мере возможностей, не требуя почестей и званий. Испокон веков у нас есть, кому слагать стихи и песни, копить и толковать житейские мудрости, отшлифовывать свои незыблемые законы. Женщин мы не любим – мы их просто используем (здесь Витамин осекся: как внезапная вспышка света в памяти замаячил образ великолепной Алисы, того самого бухгалтера-экономиста, кому передал финансовые дела)... Фу-ты, мерещится всякое! Ну, так вот, скорее всего наш бог – Сатана, хотя мы от него отрешиваемся и идем в церковь ставить свечи, дабы единый и великий Бог Савоаф призрел наши души. Но потом мы снова идем исполнять наш воровской закон, такой простой и понятный, что не надо типографий и тьму продажных юристов. Поверь, Зайка, а ты слушай Антон, мы никого не затягиваем, не привлекаем, не выискиваем.

Наоборот, мы делаем отбор, отсеивая из бесчисленной толпы приходящих. Вот здесь, в зоне, когда человек как стекло, сортируем прибывающих и вкусивших запретной жизни. Сначала они, что по перваку в зоне, проходят прописку. Тебе повезло, что вместе шли по этапу. Я тебя заметил и взял под себя. Попади ты в обычный отряд – ох, и туго тебе пришлось бы. Прилюдно определили бы твою масть. У меня в отряде этого не делается: отряд инвалидов, здесь уродство всеобщее, многое прощается. У меня здесь другие порядки, у меня прописка – это иметь физический дефект. В других же отрядах прописка – суровое испытание. Вот слушай, как может это делаться. Допустим, заводят базар: то да се, чем можешь удивить, потешить, обвинительный приговор твой прочитают (ты сразу его должен дать). И так дружелюбно поначалу будут обходиться, по-человечьи, значит. Как тот заболтается донельзя, у него неожиданно могут спросить, например: «Че кореш, космонавтом не хотел бы ты быть?» Это, к примеру... Скажешь «нет» – тогда почему нет? «Неужто трухнул? Трусливая у тебя начинка получается. Кем же ты у нас в отряде будешь? Давай-ка сразу штаны сымай, мы очко твое проверим. Уж поди оно на гражданке разворочено?! Тогда запаadlo нам с тобой рядом сидеть»... А тот, кто с полуслова понимает, к чему клонят, скажет, дескать, хотел как же! – да вспотел, что-то не срослось в хотелке. «А ну, попробуем узнать, почему не срослось. Залазь на третий ярус коек. (А на полу, прямо под ним, разложат шахматную доску с крупными острыми фигурами.) Пры-

гай плашмя, ведь у космонавтов бывают и твердые посадки». Если сдрейфишь и не спрыгнешь – место твое на шконке.

Могут и по-другому расколоть. Какой-нибудь ухарь, такой весь крутой, начнет о себе полоскать: «Я, мол, да я, порву любого, и на третий ярус заподлю мне лезть». Тогда его подведут к двери, за которой стоит наш человек и держит просунутый в щель нож, лезвием к нам. Прописанту говорят: «Можешь со всего маху ударить по острию ножа, испытаешь так судьбу». Если, не раздумывая жажнешь кулачищем по ножу, упреждая дают незаметный сигнал, и за дверьми успевают убрать нож. А могут и не дать сигнала, нож не уберется – тогда, представляешь, что из твоего кулака будут. И таких способов десятки. На вольнице иные соберутся стайей, кичут из себя блатных – натуральная шелуха на поверку, опустить их можно самым простым способом.

То есть ты понял, способов прописки уйма, и смысл их всех сводится к одному: узнать какая суть, закваска у прописанта, соответственно ей он и получает масть. Я вот Зайку уберег и сам дал ему масть. Шнырь – это не так уж и плохо, это всегда теплое местечко. Правда, по совместительству Зайка еще и защеканец для избранных, и для него это скорее достоинство и гарантия безопасности, он и делает это с удовольствием, пожалуй, на вольнице тоже этим бы занимался, склонен, как сейчас говорят, однозначно к нетрадиционному сексу, если сказать культурно. Зайке с его статьей, хорошеньким личиком и пухлой попкой оказаться в обычном отряде где-нибудь в зоне общего режима, так же чревато как красной девице очутиться в пьяном кабаке. Статья у тебя, Зайка, паршивая, 117-я, соучастие в групповом изнасиловании несовершеннолетней. Даже, если всего лишь остановился поглазеть, выйдя вечером на улицу, как знакомые ребята тискают голую девчонку на лавке в кустах у подъезда дома.

Зачем ты, Зайка, подошел и разглядывал личико юной шлюшки, что в этом личике может заинтересовать? Узнать хотел из какого она класса? Но девчонка, окривевшая или от пива или от косяка, увидела склоненное твое лицо, конечно, посчитала, что и ты встал в очередь за халявским удовольствием. Возможно, она испугалась, или передохнуть ей не давали – домой приковыляла пьянущей, растрепанной, изрядно накачанной спермой. Родителям, устроившим допрос, соврала, что изнасиловали, не соображая – что и делает, что хотела того же, но не так.

Назвала в числе соучастников и тебя. Так было? Так! За все надо отвечать, Зайка. Чуть сделаешь не так, всё вкривь да вкось пойдёт. Тебе подфартило, что к нам попал на строгащ. В зоне общего режима кто сидит? Хулиганье, подонки-недомерки и недоделки, шушера короче. Там тебя определенно заклевали бы, сутками только раком и стоял бы. Из твоего очка сделали бы сборник спермы, а сколько бы членов пришлось отсосать! Или иначе нужно было тебе кого-нибудь порезать, причем сразу при первой попытке опустить. Здесь у меня ты в цене, как валютный мальчик. И более того, поучаю тебя еще уму-разуму.

Перво-наперво запомни: продолжай внимательно читать уголовный кодекс и комментарии к нему от корки до корки – это для тебя лучшая страшилка. Никогда больше по неосознанке не попадайся. Всегда знай, чего хочешь и бойся, как страшной кары еще раз оказаться у нас. Тебе никогда не стать настоящим вором. Будешь освобождаться – никому не давай адреса; на вольнице найди какую-нибудь работу, чтобы хоть немного нравилась и вкалывай до седьмого пота – так мало-помалу денежки заведутся и сотрется из памяти как по собственной дурости попал в зону и где обслуживал лучших воров. Глядишь, со временем и бабенку подберешь, и детки пойдут – это лучше, чем петушиться на гражданке...

У тебя Зайка отца не было, у тебя Антон не было, и у меня не было – это одно у нас общее. У нас к этому миру особый счет. Но не все могут потребовать оплатить этот счёт по полной мере. – Витамин взглянул на часы. – Так ребятки, сейчас подойдут двое важных дядек, так что ты, Антон, допивай чай и пока в отряд – я позову, когда понадобится. Ты, Зайка, встретишь их и проведешь ко мне. Угощеньеце подготовь: бутылочку коньяка «Херсонес»... армянский, говоришь, есть? Неси крымский – они его предпочитают; бутерброды сделай с красной икор-

кой, чтобы на маслице зерна лежали в один слой как алый бусинки, колбаски салями возьми и нарежь потоньше. Лимон не забудь также нарезать...

3. Пора на свободу

Зайка мигом, расторопно и живо, бросился выполнять указание.

Между тем, ожидаемые гости подтягивались. Незаметно, как шагнул из мрака, появился Евсееч – седовласый, высокий, с пронизательными умными глазами и неторопливыми выверенными движениями.

Витамин встал, побратался, усадил гостя в кресло.

– Отличная работа! – неожиданным густым басом пророкотал Евсееч, поглаживая рукой резной подлокотник кресла. – Я бы сказал шедевр прикладного искусства.

– Возьми его себе, если хочешь.

Евсееч раскатисто расхохотался.

– Возьму коли так. И у меня есть кое-что интересное. В отряде у меня один мастак сделал точнейшую копию Кремля. На Спасской башне, блин, часы идут! Хочет подарить высшему из высших.

– Не оскудевает талантами земля русская, и много их, как людей неординарных, на зонах баланду хлебают.

– Послушай, что ещё есть в том деревянном Кремле... Там, в одном из окон, виден другой председатель, белый как лунь, большой и мясистый точно уральский пельмень, а через потайную дверь кучка жадных пришлых людишек с характерным профилем Авраама пересчитывают, упаковывают и отправляют эшелонами и подлюдками на Запад зеленые баксы, золотые слитки. Одна из башен уже покосилась, потому что уже проваливается в те пустоты, откуда эти нувориши выкачивают нефть, металлы и другие богатства русской земли-матушки. В эти пустоты затягивается нищий и пьяный пролетарий, вместе со своими полуразрушенными и разоренными домами-хозяйствами.

– Жалко, что из дерева скульптуру сварганил На века из бронзы отлить бы. Кстати, нас там нет, в этом шедевре? Нас, с пушкой и финкой, приставленных к виску и горлу склизких лиц с характерным профилем... Скажу я тебе, не только потомки Авраама таскают денежки по своим крысиным норам – полно и наших славянских физиономий, прочухавших и уразумевших, как богатство делается... А-а, вот и Круглый.

В каптерку ввалился плотный широкоплечий и низкорослый зык с приплюснутой как тыква головой. Хотя в колонии запрещалось свободное перемещение между отрядами (бараки с огороженной территорией), для некоторых категорий осужденных не существовало ограничений по вольному хождению в пределах жилой части зоны.

Круглый, шумно отдуваясь, побратался с Витамином и Евсеечем, сбросил телогрейку, уселся за стол. Неслышно появился Зайка с коньяком и закуской на подносе.

– Неплохо! – сказал Круглый, повертев бутылку коньяка и облизнувшись на закуску.

Витамин плеснул в прочифиренные кружки благородный напиток и дал время насладиться его утонченным вкусом, который был еще более приятен и сладостен здесь, в зоне, за семью замками под лаем бешеных овчарок, под неусыпным надзором караула, цепенеющего на ядреном сибирском морозе.

– Пока ты, Круглый, к нам шел мы с Евсеечем толкуя о том о сем, приблизились к тому из-за чего собрались. Это огромные деньги, которые уходят из моих, а значит также из наших рук. Короче, что я сумел сколотить в первую пятилетку мутного перестроечного времени порциями передавал на отмывку. Эти денежки благополучно легализовались и стали ударно работать. И, должно быть, закружилась голова у тех ребяташек, что пристраивали мои денежки, и закружилась от наполеоновских планов, в которых, увы, меня нет. Под конец второй пятилетки денежки стали безвозвратно уплывать. Новые держатели моего капитала сделают все, чтобы я тут сгнил. На них работают менты, причем как водится, главные ментовские начальники.

Эта корпорация пустила щупальца повсюду, и теперь мощно идет во власть. Но, братаны, мне уже несколько лет как за полтинник перевалило, начались проблемы со здоровьем. Мне надо позарез ехать лечиться в хорошую западную клинику, иначе этот отряд пополнится еще одним убогим инвалидом. После лечения восстановительный период требуется на год, и, надеюсь, потом снова смогу взяться за наше нелегкое ремесло. За те годы, в которые меня не будет, я вношу в общак порядка миллиона зелени (Евсееч и Круглый переглянулись).

– Какая тебе нужна помощь? – спросил Евсееч.

– Мне нужно содействие. Я должен сам выкарабкаться из зоны и сам разобраться с гнидами, что сюда меня уекли. Поддержка нужна, все наверняка надо сделать: здесь, чтобы выйти без проволочек, как по писанному, там, на воле, – пару надёжных пацанов, чтобы со своими не светиться. Я не хочу использовать своих, их осталось мало, и оставили их в качестве наживки для меня, это точно. Двое смотрящих, которых я провел в совет корпорации, купились и продались, видимо обожравшись черной икры. Они же и помогли ментам угробить моих ребят: кого перестреляли, кого отослали в лагерь.

– Я понял тебя. Рассчитывай на мою подмогу, – произнес Круглый и посмотрел на Евсееча, тот кивнул. – На нашу подмогу.

– Сначала я обскажу, как я хочу отсюда выбраться. Мне надо, оставаясь якобы в зоне, выйти на волю. Потому что, если будет официально озвучен побег мой или по какой-то халявской амнистии меня освободят, в городке нашем уж точно поднимут по тревоге половину Собра, а вторая половина будет стеречь тех, к кому иду. Я уже говорил, что благодаря моим деньгам эти гниды обрели большой вес и влияние. Я вор, а не трусливый и злобный воришка и даже не озлобленный волк-одиночка. Я должен в любой ситуации выходить первым. И я придумал как их всех проучить.

В моем отряде инвалидов никто никогда не строит людей. Для прапоров это одна безногая гноющая масса полутел-полуобрубков, полуживых-полумертвых. Знаете же, что здесь даже шмон в полном объеме никогда не делают: сами прапора брезгают рыться в рубище гнойного инвалида, справедливо полагая, что скорее найдут туберкулезную палочку, чем запрещенные предметы. Обычно запустят солдат в отряд. И те ежятся от омерзения! Для них и здоровые зыки на одно лицо: в безликой черной робе, в одинаковых кепках, одинаково лысые и бледные. То есть чуеете, куда клоню – реальна подмена. У себя в отряде я однажды обнаружил братка похожего на меня на три четверти. Мы с ним одного роста, одинаковый разрез глаз, скуластое лицо, тонкие губы. Я лишь тершее его, взрослее, опытнее. По словесному портрету его запросто повяжут вместо меня.

– Как же ты такого раскопал? У тебя все убогие калеки: хромые, косые, чахоточные! – Заржал Круглый.

– Заприметил и вырастил, – ответил Витамин. – Как мать дитя взращивал. Сейчас сами увидите. Зайка позови Антона... Все президенты имеют двойников. А мы чем хуже? У нас власти хватает, и врагов не в пример больше.

Вошедший в комнату Антон своим появлением прервал Витамина. Круглый и Евсееч жадно уперлись глазами в новоявленного двойника, отыскивая маломальский изъян. Витамин с улыбкой подошел к протеже, встал рядом и сказал, торжествуя:

– Чем мы не братья-близнецы!

– Вполне похоже, – резюмировал Евсееч.

– Ноги у тебя какие господин Антон? – Поддел Круглый.

– Покажи, – приказал Витамин.

Антон приподнял штанину правой ноги. До самого коленного сустава нога ампутирована и вместо нее встал искусно сделанный протез.

– Надо же?! – искренне подивился Круглый. – И не хромает даже.

– Протез ненашенский. Я выбрал самый лучший из того, что есть. Прежде у Антона была деревянная култышка, что незатейливо приспособили в тюремной больнице, где и оттаяли ногу. С таким-то горе-протезом и с костылями ходить было трудно. А этот импортный – как живая нога!

– Да, умеют делать хорошие вещи гады-капиталисты, – похвалил Круглый. – Наши капиталисты только воровать умеют, сукины дети!

– Но все равно, Антону пришлось хорошенько потрудиться, чтобы протез встал влитую с ногой, чтобы и намек на хромоту не было. Пока он успешно косит под хромого, с костылями не расстанется. Зачем тебе костыли, Антон?

– Прокурору с судьей, что засудили, воткнуть в одно место. Сначала придумали дурацкие законы, которые защищают не нас, простой люд, потом лишили свободы, потому что хотел жить по своим понятиям, а тут, в зоне, намерены были лишиться и здоровья.

– Антон, по первой ходке, здорово побил двух гаишников, которые хотели развести его на крупный штраф или в лапу им сунуть, – пояснил Витамин. – Вечерами у одного поста они пускали самосвал груженный металлоломом выше бортов по участку дороги с запрещающим знаком на обгон. Мало у кого найдется терпения тащиться за самосвалом, с которого того и гляди выпадет какой-нибудь увесистый обрезок трубы. Идут на обгон – а там гаишники тормозят и разводят на хорошие деньги. Антон, различив в этой ситуации подставу, вместо штрафа врезал по ехидным ментовским мордам да так, что скулы своротил.

– Мужик стоящий! – одобрительно пробасил Евсееч. – Неужели совсем не хромает? А ну станцуй!

Антон отбил ногами чечетку, ирландскую джигу ни разу не споткнувшись.

– Молодца! Прямо как Александр Матросов! – похвалил Круглый.

– Маресьев, – поправил Евсееч. – Тот на амбразуру лег.

– Все равно герой!

– Ладно, иди, Антон, – велел Витамин и продолжил:

– Я его сразу приглядел, как в отряд он пришел. Проверил по оперчасти, приговор вдоль и поперек прочитал. Вторая ходка к нам. Статья нормальная – убийство по неосторожности. Спор у него возник на работе с начальничком. Тот был гнида. Антон сгоряча саданул кулаком в бровь. Начальничек гнилой во всем был: упал, да и скопытился, помер от кровоизлияния в мозг.

– Я смотрю, он мужик по масти. До тебя, Витамин, ему не дотянуться никогда. Сможет ли он в натуре по базару хотя бы быть похожим, – усомнился Круглый.

– Слухай дальше. Я ему не только протез за крутые бабки пристегнул. Я тут переоборудовал одно помещение в тренажерный зал, оборудование установил самое современное, лучших фирм. Хозяин меня хвалит, дескать, забочусь о несчастных калеках, якобы создал условия в первоклассном тренажерном зале делать зыком какую-то там реабилитационную гимнастику. В газете даже пропечатали, называли вор-гуманист. Вор-гуманист! Ха-ха-ха!... Мне надо было, чтобы Антон избавился от хромоты... Он упорный. Мы составили расписание, так чтобы ни минуты не пропало даром. Я ему сразу сказал, для чего он изнуряет себя тренировками. Понятно, что прежде снова ощутить себя полноценным, но основное: подменять меня на некоторое время, пока я на воле кой-какие делишки подправляю. Чтобы он достойно выглядел, я его откармливал, как он воле не кушал. Видите какой он сейчас: лоснится от удовольствия.

Потом его натаскиваю по нашей фене, и полагаю, что он уже почти готов выступить моим двойником. В нашем арсенале еще несколько штрихов, которые он выкажет в последний момент преображения. В свою очередь, на замену Антону в здешнем поселке наметил одного бомжишку с костылями, грязного обросшего. Пока ходит, побирается по помойкам. Завезем его в зону. Здесь ему придется по нраву: кормежка исправная, в тепле; среди таких же бедолаг-инвалидов будет как свой. Я с ним базарил, хочешь в теплое местечко, где поить

и кормить будут на халяву, вдобавок и охранять, чтобы никто кусок хлеба не отнял, братаном у нас будешь. «Хочу! Сильно хочу!» – говорит. Ха-ха-ха! Теперь дальше. У тебя, Круглый, есть прапор, надежно купленный, почти свой в доску. Под утро, когда половина караула спит, а вторая половина шурится ото сна, как слепые котята, он меня проведет через КПП. Я переоденусь солдатом-контроллером; Зайка меня загримирует – я пройду. Днем раньше завезем бродягу. Сделаем так. Я скажу хозяину, что хочу установить мощные кондиционеры в отряде. У меня в отряде лежачие, и такая вонь бывает от жары: дышать нечем. Для караула одновременно в подарок от нас, людей имущих, будет большой холодильник. Хозяин согласится. И ему перепадёт. Например цветной фотопринтер... В кузове будут три ящика. В первом будет кондиционер, во втором – холодильник, в третьем – бродяга. На ящиках лейблы типа: майнд ин не наше, проверено таможей. Ящик с холодильником вскроем заранее и заберем до отказа вкусной снедь: твердокопченая колбаса, сало с дымком, цыплята-гриль, ветчина в больших квадратных жестяных банках, бананы, ананасы, кокосы, коньяк, водка, шоколад, конфеты рассыпью. На досмотре дверцу холодильника откроют, и оттуда посыплется, как манна небесная, охране вкусная жратва. Вечно голодные солдаты набросятся на хавалку. Может быть, ужрут и упыются на месте, пока другие не набегут. Наш прапор будет на досмотре въезжающей машины. Собак он отвлечет и бродягу выпустит в зону. С другой стороны ворот и его, и машину мы (точнее вы) будем поджидать.

– Задумано красиво. Как бы в натуре срослось так же.

– Я с прошлой весны готовлюсь к этому. Получится! Потом, когда я выйду на волю, а здесь вместо меня останется Витамин-2, вы также захаживайте сюда, чтобы покалякать с Витамином-2, в чем-то его наставить, в чем-то помочь.

– Шнырь твой при деле?

– Он в курсе. Он универсальный шнырь... Все, что хошь, сделает. В том числе и отсасывает с удовольствием. Такой минет делает, что девкам поучиться. К тому же, как-то сам напросился поначалу, чтобы очень аккуратно очко его раздвинул, и потихоньку приучил к этому. И, представьте, братаны, потом как кошка от меня не отходил: ластится. Юбку раздобыл, косметику выпросил. Чешется у него очко, зудит; порой у меня и желания нет: я же его пользую, чтобы не закисло и не заржавело в мужском механизме. А он же так и вьется вокруг меня. Может быть, он баба и есть. У него, будь здоров, очко расширяется, и чистое такое, мягкое, ну точно бабу раком загнул. Да еще оденется как ципа московская, накрутится, очко промоет – ну точно девку имеешь. Я постепенно Антона к этому привлек. Тот поначалу чурался: грязно это мужчина мужчине. Я ему растолковал, что здесь, в зоне, блатному не запахло и петуха, голубого то бишь, поймать, не руками же плоть усмирять. А заостенеют яйца – сам полубабой станешь! Но Зайка не петух – он женщина! Пару раз я Зайку при нем оприходовал, потом и он скрытно от меня попробовал – видимо, у них как по маслу вышло, Зайка около него теперь вьется. У меня отсасывает, когда захочу. Антон молодой горячий... Хотел тебе, Круглый, Зайку отдать, потому что он и в самом деле как девица: робкий, стыдливый и незащитный. К нему надо бережно относиться как к какой-то ненашенной ценности, а уж он тогда оплатит, и не только этим самым местом. Он у меня вместо секретаря, шнырь к тому же ловкий и понятливый, когда мою защиту чувствует. Короче, Круглый, если что-то не срастется, делайте в обратном порядке: бомжишку назад вышвырнуть, Антона на своё место вернуть. Зайку бери себе.

– Без защиты не оставим в любом случае. Я разных там тонкостей не понимаю. По мне так: коли мужик – иди работай, ежели петух – сымай штаны... Но будь по твоему.

– Ну и договорились! Давайте коньячку примем за нас, за настоящих людей. Чтобы крепло наше братство! Чтобы наш закон всегда был правильнее и выше других законов...

4. Из клетки в небо

В зале ожидания аэропорта малоллюдно и выморочно-тихо. Элегантный господин с чрезвычайно бледным лицом, оттеняющем раннюю седину коротко стриженных волос, неторопливо прошествовал в бар и заказал шотландское виски. В руках у него свежая пресса, но читать было трудно и не рекомендовалось: за последние месяцы зрение катастрофически быстро ухудшалось. Тюремный врач определил, что это отнюдь не возрастная дальнозоркость, а следствие быстро прогрессирующей катаракты. В лучших клиниках микрохирургии глаза такая операция поставлена на конвейер. На роговице глаза делают крошечный разрез в два-три миллиметра, через который производят замену хрусталика.

Проблема со зрением омрачала радость освобождения. Однако правый глаз видел превосходно. Пусть временно зона обзора сузилась, и вроде как не мешало бы черную повязку на глаз соорудить, именно черную пиратскую повязку, а не искать клюку с металлическим наколочником. Он твёрдо верил в удачу: забрать свои деньги, сделать операцию на левом глазе и вернуться в зону, чтобы дожидаться пересмотра своего дела в суде, хорошенько взбодрив в этот раз кого надо, и получить постановление об освобождении из мест заключения как билет в новую жизнь.

Надежда с каждой минутой перерастала в уверенность, что именно так все и будет. Пока адвокаты бессильны против беспрецедентного давления на судебные органы со стороны корпорации, возглавляемого Симой, мерзавцем Симой, присвоившим его деньги.

Объявили посадку на рейс до Йо-бурга. Витамин неторопливо прошел в секцию досмотра, тихо радуясь каждому мгновению вольной жизни. «Авиакомпания приветствует вас на борту нашего авиалайнера» – лаская слух, неслось из динамика. Возвращалось давно забытое ощущение комфорта свободной гражданской жизни. Витамин уселся в меру тесное кресло и стал прислушиваться к приятному женскому голосу, истекающему чарующей волной из невидимого репродуктора. Оказывается, в течении полета будут неустанно заботиться о пассажирах. В подтверждение симпатичные стройные стюардессы выплывали в салон как дивные феи – прилежные ученицы какой-то высшей школы мастерства – и с чрезвычайной любезностью и предупредительностью обращались к пассажирам: «Не хотите ли это, не надо ли того...»

Столичный лоск и необычная мягкость сквозили в каждом движении чудесных стюардесс, что в сочетании с природным шармом правильных черт улыбчивых лиц и угадывающихся совершенных линий тела, безоговорочно подтверждали: полет в небесной круче будет приятен и не утомителен. Витамин, внешне невозмутимый, жадно пожирал глазами эти живые картины сладкой вольной жизни и признавал, что за семь лет, что его удерживали в черной хмурой массе зыков, произошли разительные перемены.

Прямо перед собой он увидел улыбающееся лицо стюардессы.

– Желаете газету или журнал? – спросила она.

– Нет, спасибо. Простите, вы русская?

– Да, – без удивления ответила девушка.

– Я семь лет не был в России. И вижу: другая страна. К примеру, здесь: подержанный старый Ту-154, а выглядит добротно, европейский сервис, а вы не иначе как парижанка!

Стюардесса просияла чудесной улыбкой, сказала:

– Спасибо. Наша компания многократно выходила номинантом в конкурсах на качество услуги и прошла международный аудит по безопасности авиаперевозок.

– Ни минуты не сомневался, что компания ваша титулованная. Простите еще раз, что отвлекаю вас, – быстро, словно спохватившись, проговорил Витамин, и тут же мысленно обругал себя: «Зачем высвечиваешься, привлекаешь внимание, у тебя конкретная цель и ситуация на острие ножа».

Оставалось прикрыть глаза и погрузиться в приятные раздумья.

То, с какой легкостью он выбрался из зоны, было не случайной удачей – год перебирал в голове детали побега, отлаживал и отшлифовывал, собирал из отдельных кусочков апофеоз исхода, триумф нестигаемой воли. Продолжением этого будет реализован план, как выпотрошить Симу. Однако уже готовый план оставлял странные ощущения.

Вновь и вновь пробуя, в чем состоит закавыка, Витамин дивился настойчивому наваждению: вдруг, словно из мрака выплывали две или три фигуры, скрытые непроницаемыми масками и поведение их казалось непредсказуемым. Окажутся ли эти пока невнятные призраки умнее, хитрее, изворотливее, какой могучий козырь в их руках?

Пока что он наслаждался счастьем дышать свободно и легко на высоте 10000 километров! Выше птиц, за полётом которых с замиранием сердца он любил наблюдать в зоне! Сейчас миловидные стюардессы принесут горячий завтрак, к которому он заказал двухсотграммовую бутылочку коньяку... Как он любил дальние поездки на самолете, поезде, корабле! Возвращалось ощущение молодости. Самой заветной мечтой было комфортно плыть на грандиозном белоснежном лайнере и лечить отягощенную своевољством душу бескрайними просторами океана.

Обогнуть весь шар земной в неспешном плавании. Он, убеленный сединой джентльмен, не нуждавшийся уже более ни в чем как в сладостно-сонном покое и созерцании совершенной природы. С джентльменом может быть чудесная молодая спутница... В зоне Витамин много читал, вследствие избытка свободного времени, порой делал пометы на страницах. Когда в глазах стала появляться мутная рябь, он велел Зайке читать вслух, причем, проникая голосом в интонацию автора.

Зайке вскоре пришлось по вкусу такое выразительное чтение. С превеликим удовольствием они оба проглатывали одну книгу за другой. Однажды Зайка по своему почину взял для чтения книгу из серии как стать тем-то, как научиться управлять собой, другими... Витамин недолюбливал книги такого рода и слушая в пол-уха. Запомнилась парадоксальная идея: отказаться от любимого, чтобы получить еще более любимое, чтобы что-то найти, следует сначала что-то потерять. Значит тайная задумка его, Витамина, вполне может служить практическим толкованием столь изощренной мудрости.

Он-то считал, что есть устоявшееся твердыни, основа основ, чем поступаться нельзя. Воровская вера была поколеблена даже не этой мудреной книжкой – устрашающим валом событий, что подобно голодной осатаневшей стае крыс, замерших на мгновение и приготовившихся сломать последнюю преграду.

Не иначе как пришла пора перемен и в его жизни. Благоразумнее отринуть прошлое и заняться тщательно здоровьем. Последние ниточки, что осталось в прошлой воровской жизни, обрубить – это деньги, его деньги, добытые в мутной воде золотой лихорадки приватизации, деньги перепорученные молодым и грамотным бизнесмену и бизнесвумен, следуя устоявшейся истине: деньги это капитал, который должен пухнуть словно арбузы на бахче.

Видимо, чем больше денег, тем труднее делиться. С тех пор, когда он выбрал из толчеи предпринимателей самых-самых: пронырливого Симу и шикарную красавицу и умницу Алису, вручил им поэтапно сумасшедшую сумму денег под устный договор, с тех пор что-то в порядке вещей случилось, что поменяла все понятия. Прежде считалось у всех, теперь, похоже, только у нас у воров, что нет ничего тверже и значимей данного в поруки слова. И эти оставшиеся все, граждане бывлой великой страны, облапошивают друг друга, кто как горазд.

«Вернуться бы снова в те годы, в тот короткий период схожий с языческим празднеством Ивана Купала в строгой православной Руси. Кто знал суть событий, действовал наверняка. Демонстрации, изобличения в прессе сильных мира сего, почивших и здравствующих, ветер демократии, свободного слова – это для одурачивания основной массы граждан. Наш некогда слаженный тройственный союз, Сима, Алиса и я, понимал: надо успеть пока народ опьянен

свободой словоизлияния, успеть прибрать к рукам побольше его достояния по наспех сварга-
ненным законам.

Ох, как круто пошел вверх бизнес у ребяток! Сима быстро наладил хорошие связи с мест-
ными чиновниками. Наш альянс стал многоглавым, многоруким и непобедимым как страшное
чудище, и стал поглощать один за другим заводы, фабрики, строения и месторождения. Очень
скоро мы поняли, что сырьевые предприятия будут иметь хорошую перспективу... В корот-
кий срок была создана огромная корпорация. Скорее, как только подпитка моими деньгами
стала не нужна, вот тогда и начали потихоньку оттирать. Стервятники! А что, если бы я не
различил бы среди тьмы ларечников каких-то Симу и Алису. Я же им стал все равно, что папа:
нашел, сберег, защитил, обеспечил зеленью, помог в лихой скупке недвижимости как убойная
силовая поддержка. А как ножка у них стала барская – турнули, гниды, барской уже ножкой
на берега Енисея, чтобы скукожился в один из лютых сибирских морозов. Это ли не черная
неблагодарность? Алиса одно время млела от меня (или как там – таяла!). Студентка-отлич-
ница! У неё в крови быть первой и в учёбе, и в жизни... Когда я с шиком подъезжал на рос-
кошном мерсе к дверям института, который она заканчивала. Она выпархивала на крыльцо
яркой нездешней пташкой, небрежно достаивая чести подвезти ее. И я катал с ветерком, да
так, что стыла и вскипала в жилах кровь... Будто это было вчера. Сколько же лет прошло?
Каких-то лет пятнадцать или десять, или около того. Она была чистюля и не выносила вида
крови. Вот уж налицо лицемерное советское воспитание: вдальблывать в голову с пеленок одни
ценности, а реально учиться у нас как делать все с точностью наоборот. Я делал то, что ей
претило, но без чего ее благополучие рухнуло бы в мгновение. Я говорил, что с сожалением
прибегаю к насилию, удовольствия не испытываю. Хотел бы дождаться времени, когда не будет
нужды ни грабить, ни убивать, а жить с такой распрекрасной красавицей Алисой. Она лишь
смеялась. Она манила – и ускользала. Разве вор может любить? Матерый вор втюрился по уши
в смазливую девчонку! Непонятная тяга была и остается к ней. Она не верила, что в каждом
сердце есть зачаток любви. Об этом мы с Зайкой как-то читали... якобы однажды приходит
внезапно время, когда жадно хочется любить.

Алиса держалась на дистанции, всегда находила уважительный предлог ускользнуть, не
порывая совсем. Я всегда оставался в недоумении. Почему? Катаемся не слишком быстро,
цветы не те дарю, кабаки не такие шикарные. Хотя из мотора выжимал всю мощь, цветами
завалил так, что у неё началась аллергия, лучших кабаков в нашем городе не было... Или она
боялась: на моих руках слишком много крови.

По прошествии десятка лет понимаю: моя привязанность осталось, и в сердце живет
надежда на серьезные чувства и отношения. В памяти её вид как живой!... Я иду против своих
правил. С ней я выйду из воровского закона. Обладая таким даром как Алиса, уже больше
ничего не надо. Я ли это говорю? Тяпун мне на язык. Но почему бы и нет? У меня было все
кроме любви: баснословные деньги, огромная власть, по мановению моего пальца решались
судьбы. Я мог казнить и миловать. И красоток стоящих повидал и перепробовал немало. Они
любили фальшиво: кто из-за денег, кто из-за страха, кто из любопытства. Я как будто должен
быть пресыщен жизнью. Отчего же, мать такую-растакую, тянет к Алисе? Как и из чего рож-
дается эта самая любовь? Что это за диковинка такая, что не купить за деньги и не выиграть
в карты? Не фуфло ли это, пустые рассказы. Я верну все свои деньги. Я поставлю Симу на
колени. Она сама приползет – нет! – придет ко мне. Потому что идти больше ей некуда, только
снова в ларек. Ха-ха! Подожди, она еще мне детишек нарожает. Впрочем, не очень-то я люблю
этих оголтелых сорванцов. И зачем они мне? Я, Витамин, – единственный как редкая дьяволь-
ская улыбка, мне суждено умереть, не оставив клонов...

Так, в сторону лирику и сопли. Из Симы вытряхну деньги, потом сделаю уроды, безно-
гого калеку, загримирую его многодневным избиением, чтобы потерял барский норы; Минееч
пробьет ему очко дубинкой ментовской, и отправлю Симку досиживать вместо того бом-

жишки, что завез за Антона. Антон же будет моей правой рукой здесь. Я вернусь в зону, чтобы лично контролировать обратное превращение бабочки в червяка-личинку, то бишь миллиардера Симы в петуха, потом – в червя гнойного. А потом в окончательное ничто. Всей зоной его поймеем и утопим в параше. Пацанам привезу хорошую развлекаловку. И всем этим возвращенным нами нуворишам будет сделан хороший урок! Я так сделаю! Я расставляю снова всех и всё по местам – или я не вор!»

5. Прокрустово ложе

В главном офисе крупнейшей промышленно-финансовой корпорации с некоторых пор стали твориться странные вещи. Среди глубокой ночи вспыхивал свет в окнах, ровно кто-то методично обыскивал кабинет за кабинетом, сейф за сейфом. Генеральный директор корпорации Сергей Владиленович Саламатенко, каждое утро нервно недоумевал, слушая доклады начальника службы безопасности. Что за чушь он несёт? Что за мистическая напасть?!

Однажды утром Сергей Владиленович открыл ключом опломбированную дверь кабинета, прошествовал к исполинскому столу и, прежде чем водрузить себя в троноподобное кресло, обнаружил на полированной поверхности стола смачно нацарапанную надпись: «СИМА – СУКА».

Он, всесильный бизнесмен, потрясенный невообразимым посланием, пальцами трогал глубокие порезы, водил ногтем по впадинам букв, не в силах поверить в реальность происходящего. Юношескую кличку знали немногие.

Сергей Владиленович немедленно собрал в кабинете совещание из пяти директоров корпорации. Солидные люди, составляющие высшее звено руководства, обступили стол и, сдерживая смех, все-таки нахмуренно рассматривали дерзкую надпись, также ничего не понимая. И почти одновременно посмотрели друг на друга, точно спрашивая:

- «Классная работа!»
- «Не ты сделал?»
- «Нет, что за чушь»
- «Может, ты сбрендил?»
- «Зачем? Бобосами карманы полнятся, как жир прибывает у обжоры»

Сима разрядил обстановку, сказав спокойно и с достоинством наделенного недюжинной властью человека:

– Коллеги, сейчас накануне выборов в Думу мы должны быть едины, как никогда. Можно ожидать любую провокацию. Нашим соперникам на руку любая склока у нас. Тот, кто это сделал, резонно полагал, что только вы пятеро имеете право беспрепятственно входить в этот кабинет. Значит, есть еще кто-то шестой, кто может обладать такими же правами и возможностями.

– Шестым среди нас может быть только Витамин.

– Витамина мы закрыли. Отправили подальше. Он усиленно разлагается в суровом Красноярском крае. Давайте-ка, справимся о его самочувствии. – И Сима набрал номер телефона начальника колонии.

– Я рад тебя слышать полковник... Что ты говоришь? Все еще подполковник. Это поправимо. Пройдут выборы, и мы замолвим о тебе словечко. Хочешь получить контр-полковника?.. Нет такого звания, говоришь. Будет! Сделаем: внесем в Думу предложение, сколько там более чем странных законопроектов рассматривается. Только чтобы воду в ступе подольше толочь. Одни дурацким нововведением больше, одним меньше – какая разница! Зато как приятно некоторым... Что?! Говоришь, устраивает полковник? Будь же, по-твоему! Для нас ты почти генерал! Как дела у нашего подопечного, завхоза инвалидов? Прекрасно. Прекрасно в смысле статус-кво. А не было ли у вас побега в ближайшее время?.. Невероятно! Неужели за тридцать лет не было ни одного побега?! Добре, будущий генерал. Будут проблемы – звони.

Сима аккуратно положил телефонную трубку на место и обратился к собравшимся:

– Предлагаю установить видеонаблюдение во всех коридорах и лестничных маршах. Усилить охрану.

– Еще на каждый этаж по бультерьеру.

– Передерутся друг с другом. А вони сколько от них будет!
– Ничего сверх ординарного принимать не будем, иначе, в самом деле, попадем в прессу. Должно быть обыкновенное усиление охраны в преддверии выборов.

Когда Сима остался один в кабинете, он впервые за долгие годы ощутил смутный страх расплаты.

В последующие дни, несмотря на удвоение охраны, продолжали появляться ночные гости. Кто-то пустил слух, что в офисе разбушевался барабашка, да не один, явилось растрепанное привидение из душ убиенных, разорённых, обманутых. Администрация обращала эти рассказы в шутку, дескать, от напряженного ритма работы у кого-то слегка едет крыша.

Рабочий день у Симы начинался с доклада начальника службы безопасности.

Сима уже склонялся к тому, что вскипает кровь в голове именно у тех, кто отвечает за безопасность. Как-то боссу продемонстрировали ночную видеозапись. В одном эпизоде было какое-то непонятное движение, точно оживший сгусток мрака переместил свет и тьму с одного места на другое, стены всколыхнулись и раздвинулись, в образовавшуюся ломаную щель перетекла некая сущность с багровым оттенком.

– Что за чертовщина! – Сима поморщился. – Это помехи. Настройте хорошенько аппаратуру, чтобы она не снимала сюжет из фантастического апокалипсиса или же сцены из мистического триллера. Все должно быть понятно и очевидно.

– Есть! – Взял под козырёк бравый начальник.

Но сделать понятным и очевидным, что происходит ночами, не смог. Это нечто приходило из ночи в ночь, оставляя после каждого визита зловещие знаки.

Наконец, однажды в своем закрытом сейфе Сима увидел на внутренней стороне мощной бронированной дверцы приклеенный скотчем листок бумаги, на котором крупными буквами было написано:

«Привет, гадёныш! Это я – Витамин. Пришел за своими деньгами, Ты успел посчитать долг? Время пошло. Сколько недодашь – столько дырок будет в твоей растолстевшей заднице. Даю ровно три дня, чтобы подготовить счет. Далее скажу, куда следует перевести деньги. Учти, мне терять нечего. Ко дну пойдём вместе»

У Симы безвольно опустились руки. Внезапно перед ним почти зримый и осязаемый встал Витамин, жестокий и негибачаемый, с едкой дьявольской усмешкой. Чувствуя невероятную слабость, Сима мелкими шашками кое-как добрался до массивного кресла босса, рухнул в его широкие и мягкие объятия, замер на сидячем ложе с закрытыми глазами и возрастающим шумом в ушах.

Ему действительно стало страшно, земля реально уходила из под ног, в зияющее мрачное небытие проваливалось и это кресло босса, и телефонный IP-коммутатор с филиалами корпорации. Сима тяжело задышал. Кошмарные мысли тяжелым гнётом выдавливали всё его благополучие.

«Что?! Из-за воскресшего бандюги мощная корпорация будет рассыпаться на песчинки?! Тысячи людей лишатся работы, в региональной экономике образуется огромная брешь. Ну, был Витамин из числа создателей корпорации. Если его засветить в наших рядах, – представляю, какой радостный пороссячий визг появится в прессе. Уличили! Подсидели! Ату их! Чтобы другим не менее грязным занять наше место. Этот бандюга выпустил кровушки целое озеро. Его срок тюремный должен измеряться веками. Еще бы год – и ему не добраться до меня никогда. Проклятие! Почему мы сразу его не убили? Тогда он был слишком авторитетным вором. Ныне же воров изрядно потрепали, и многие из них мутировали в беспредельщиков. Про-

ведена серьёзная работа по расшатывания воровского авторитета. Но этот! Наверно настало время убрать Витамина в преисподнюю. Эх, что же я не догадался сделать это в зоне: спровоцировать нарушение режима, посадить в штрафной изолятор, а оттуда его уже бы вынесли вперед ногами. Похоже, надо ставить не видеокамеры, а на каждый этаж по стрелку. Он же сам лезет на рожон, Теперь любой мой охранник имеет право всадить ему пулю в лоб. Он это понимает. Он где-то здесь, я его почему-то не могу увидеть. Не поехала ли у нас у всех крыша? Не проданся ли кто-нибудь из наших? Зачем опять же? Не может он заплатить больше деньги, чем я плачу по совокупным результатам труда. Стабильная зарплата и гарантированная работа на долгую перспективу – это дорогого стоит. Его гонорар за измену корпорации не дороже тридцати серебряников. А ведь он вполне мог положить пакет со взрывчаткой в сейф! Получается, что я в своем офисе ежедневно рискую жизнью. Уже и поздно искать отморозка, который бы прикончил Витамина, несмотря на его воровские регалии. И самому бесполезно брать пистолет, из которого стрелять-то толком не умею. Впрочем, у меня в арсенале другое оружие...»

Сима с остервенением разорвал на мелкие клочья послание Витамина. Вызвал начальника службы безопасности, не сдерживаясь, накричал на него, пригрозил увольнением с паскудной записью в трудовой книжке.

Смутное ожидание беды возникало повсюду: в шикарном бронированном лимузине, в собственной квартире элитного дома. В квартире вдруг сгорела электропроводка, лишь чудом удалось избежать пожара. На следующий день в его новенький, сверкающий свежей краской, лимузин въехал на полном ходу потрепанный «жигулёнок» и рассыпался тут же на болты и гайки, агрегаты и механизмы. Сима успел разглядеть сбегающего с места аварии водителя – совок! Таких ещё тысячи колесят по улицам.

Сима степенно вышел из машины и взглянул на часть кузова, принявшего удар: всего-то небольшая вмятина с содранной краской. Крепка броня! Может быть, это новый способ утилизации отслужившей срок машины, отнюдь не проделки Витамина?

Сразу же за этим происшествием остановился лифт между этажами, погас свет. Из под ног повалил густой едкий дым. Сима вышел из кабины лифта с лицом покойника. Он отчетливо понял – это демонстрация силы. Уже с десятков раз и всего-то за пару дней он мог бы распрощаться с драгоценной единственной жизнью. Отныне каждый день таил в себе новый вариант покушения на его, дорожающую с каждым мгновением, жизнь.

Невольно возникало давно похеренное чувство почитания, а то и что-то сродни уважению перед нестигаемым изобретательным на жестокость Витамином. Под занавес напряженного дня он извлек из сейфа второе послание Витамина, короткое и ошеломляющее: «Выбери смерть».

Ледяной ужас сковал Симу. В течение дня он стоически поджидал реализации весточки Витамина, пробуя предположить, что будет на этот раз: отказ в компьютерной сети, прорыв воды в здание, разрушение канализации и затопление кабинета фекальными массами с невыносимым тошнотворным запахом. Может быть, свора бешеных собак разорвет его в клочья?

На ночь Сима стал выпивать по две рюмки коньяка, и вроде как краткое коньячное умиротворение переходило в спасительный сон. Под самое утро, когда сон наиболее целителен, глубок и приятен, Сима неожиданно пробуждался. Мысли с бешеной силой бились вокруг мерзкой твердыни с дьявольской физиономией Витамина. Сна как не бывало.

Сима вставал, выпивал чашку кофе и садился за компьютер работать. В девятом часу, когда надо собираться в офис, он с трудом противился грузно наваливающейся усталости от недосыпания и изматывающей тревоги. Хотелось одного: вернуть покой и здоровый полноценный сон. Что же делать? Взять отпуск? Уехать? Сдаться, приняв все условия Витамина? Убить его? Есть, правда, еще один способ – как сюжет для хорошей драмы.

Оставался один день до назначенного Витамином срока, и становилось ясно: последний способ, который берег как золотой резерв, только и подходит. Пробудившись по ставшему обыкновению в четыре утра, Сима взял телефон и набрал заветный номер...

6. Замысел: только кровь смывает следы, только кровь несёт покаяние

Низкочастотный зуммер мягко и вкрадчиво взывал к вниманию. Алиса не хотела брать трубку, чтобы не тревожить сон любимого и не внести в окутывающие очарование чуждые звуки другого мира. Ей было необыкновенно хорошо в сладкой полуяве-полусне раскинуть в объятиях Влада утомленное блаженством тело, ставшее словно невесомым и обретшим одну из форм вечной неведомой жизни.

Все вопросы решены, всё понятно, цельно и органично. Разорваны путы, отравляющие естественность и чистоту желаний и помыслов. Вместе с Владом, благодаря чудесной любви, выстроен незримый заслон безумной и порочной жизни. Найдутся ли настолько хитроумные искусители, способные взломать секретный код их любви?

Ей нравился Влад до безумно-радостного самоотречения. Она с тихим невятным восторгом любовалась его сильным пропорциональным телом. Когда же его руки сжимались за ее спиной – безбрежная радость проникала в каждую клеточку тела. В том мире, из которого сейчас идет звонок, спокойная неторопливая речь Влада, его вдумчивый несуетливый подход ко всему и вся наполняли Алису светлым чувством благодарности.

Теперь у нее есть все, что можно пожелать от этой жизни: счет в банке с многозначными цифрами в европейской валюте; работа, позволяющая этот счет планомерно увеличивать и любимый (любимый! Любимый! ЛЮБИМЫЙ!). Он властелин её сердца и странным образом окрашивает её чувства светлыми яркими красками бесконечной радости.

Алиса верила, что та изначальная всеобъемлющая сила, которую бабушка по отцу называла триединым Богом христиан, а бабушка по матери, неистово верила, что провозвестник её – Аллах, не иначе как открыла им тайну вечного блаженства. Сумеют ли они сохранить и упрочить милость высших сил? Её мужчина – это вершина всех жизненных благ, в нем все, от макушки до пяток, обожаемо и бесценно.

И теперь, в самом деле, они срослись телами на самом сложном энергетическом уровне. Разъединить их можно только ножом – эдаким здоровенным полуметровым ножищем садануть с размаху по живому, как палач расчленяет жертву...

Отчего же так назойливо гудит телефон. Алиса осторожно выскользнула из постели и на цыпочках, чтобы не разбудить Влада, взяла противную трубку, ушла в другую комнату, села в полумраке в кресло и сказала, словно в пустоту: «Говорите».

– Доброй ночи, Алиса (она усмехнулась). Сообщаю тебе, что корпорация согласилась с вашим предложением о реструктуризации. Мы отдаем вам во владение, созданный вами, торгово-развлекательный центр на руинах сранной городской столовой. Складские помещения в отдельном здании возле столовой пока оставляем за собой. С вашей стороны должны быть выполнены два условия.

Первое: передачу недвижимости оформляем по старой оценке, то есть считаем самооценкой ваше переоценку, вверенных вам активов (основных фондов). У корпорации должна быть безупречная репутация. Никто не может рвать ее на куски даже таким изощренным способом, какой придумали вы. Строения в центре города дорогого стоят. Вы всего лишь опередили наши планы по реконструкции, и пустили на это не свою прибыль – нашу. Но принимая во внимание твои прежние заслуги, (как никак вместе начинали!) будем делить и разводить наш бизнес цивилизованным путем. Зачем нам склоки да раздоры? Это только в радость желтой прессе, им как хлеб любая наша заморочка. Я ныне все чаще склоняюсь над идеей, что надо уметь отдавать и прощать. Я полагаю, ты в должной мере оценишь наш жест.

Второе условие: вы продолжаете активную избирательную кампанию в наших интересах. Я тебе вверяю два района – в них должны победить наши кандидаты. Избирательную кампанию

финансируете из своих средств. Якобы на вашу избирательную деятельность мы перечисляем один миллион ненашенских бобосов. Ты эти деньги наличкой передашь в указанный адрес; платежка пройдет через вас, но предназначена нашим потенциальным компаньонам, вы лишь переадресуете. Не думаю, что в этом есть какой-то существенный криминал. У меня пока все.

– Выслушала тебя внимательно. Первый вопрос: почему ночью звонишь? Что, не хватает дня для решения проблем?

– Я, вроде бы, извинился. Если нет, то извини. Ночью люди лучше понимают друг друга.

– Я предпочитаю ночью спать. Хорошо, будь по-твоему, раз начали – давай и закончим. Мы предполагали с Владом такой расклад, кроме миллиона твоих так называемых бобосов. Странно, ты нас втягиваешь в избирательную компанию на наши же деньги, а те деньги, которые должны поступить нам, мы отдаем неизвестно кому. Я подобных схем стараюсь избегать.

– Ты прекрасно знаешь: у нас давно уже вполне легальный бизнес. Что же ты подумала, что мы взялись приторговывать оружием, наркотой? Единственно, в чем нас могут укорить – приходится избирательно греть чьи-то карманы. Считаю, что этот несчастный миллиончик из того же рода. Здесь важно не ошибиться, кому дать.

– Ну, хорошо. Похоже, я с тобой соглашусь. Позвоню днем и скажу окончательно. Например, для Влада не всё равно, кто войдет во власть. В отличии от меня. Я не вижу большой разницы в кандидатах в нашу Думу: одни пустые словеса и демагогия. И неприкрытое взаимное лоббирование.

– О'кей! Ты всегда была умницей. Мы с полуслова понимали друг друга. Мы больше преуспеем в сотрудничестве, чем во вражде. Не ровен час, еще придется сыграть в четыре руки.

– Сомневаюсь.

– Не зарекайся. По большому счету – жизнь непредсказуема. Честь имею откланяться!

Сергей Владиленович положил телефонную трубку и с вальяжностью, присущей крупному бизнесмену, развалился в кресле. Прикрыл глаза и в воображении стал разворачивать картину будущего.

Он разыграет первосортную драму и, не замавав ни пальчика, сбросит с себя дурно пахнущее ярмо. Станет чистым как младенец. Вздохнет свободно и легко, расправит плечи и устремит мудрый доброжелательный взгляд на своих избирателей – мутную массу народа, в большинстве живущих в нужде и лишениях.

«Как легко в голове и сердце, во всех членах моего уникального эго. Слышал, что также хорошо и легко бывает после отпущения грехов и причащения в церкви. Однако, мне оказалось достаточным спихнуть окончательное решение проблемы другим героям дня: они-то и помолятся и причастятся и искоренят начатки зла и тщеты, или кто-то за них помолится, как безвременно ушедшим из нашего склочного мира. Я направляю друг на друга две разноименные силы. Они схлестнутся и освободят простор мне – будущему великому финансисту, а быть может, и государственному деятелю, чье имя останется в анналах истории, кого увековечат в белом мраморе, затем в бронзе.

И кто будет знать, откуда у меня выросли ноги и крылья!?! Кому будет ведомо, что отдал на заклатие лучших партнеров во имя Золотого Тельца, как священную и ритуальную жертву.

Кто будет знать, что послужило компостом для моего состояния, богатства, власти?! Никто. Кровь смывает следы. Действительно! (Сима едва ли не вскрикнул!) В этом великая суть! Завтра направляю роковые стрелки друг на друга. Останется четко отслеживать разворачивающееся действие, и быть готовым чуть-чуть его подкорректировать.

Я это смогу! Я сделаю! Я чемпион! Я первый из первых! Я лучший! Я избранный! Моя опора – мой гибкий ум; не Бог и не дьявол – а мое серое вещество в черепной коробке. Правда, отчасти беспокоит Влад. Он не нашенской породы. Охмурил Алису. Повернул бизнес с ориентацией на какие-то человеческие ценности. Он-то и должен сойти со сцены. Ему не помешать

нам делать бизнес, жестокий и беспощадный, какой некогда была пролетарская революция. Насилие голытьбы, этой массы отстоя и фуфла, возвращается бумерангом. Жалеть некого. Чем скорее одни съедят друг друга, другие сопьются, тем лучше. Дешевой рабочей силы полно и в средней, и в дальней Азии».

На следующее утро бизнесмен Сергей Владиленович оставил в своем сейфе, превратившемся в почтовый ящик, послание:

«Любезный друг Витамин! Твоя игра в невидимку мне понравилась. Благодарю за полученные острые ощущения. Я безумно рад, что ты вернулся в наш тихий и добрый дом. Не знаю, почему ты не хочешь удосужить нас своим явным присутствием? Твоя стойкость впечатляет! Я не ошибся, что когда-то имел общие дела со столь неординарным человечисем. Но к делу, довольно лирики.

Тут в сейфе, в оранжевом пакете, ключи от загородного дома – он твой.

В гараже твоего уже дома увидишь автомобиль твоей любимой марки – бери и владей.

Через три дня на указанный адрес придет миллион.

В черном кейсе бобосы на текущие расходы.

Корпорация передает тебе пакет акций стоимостью около двух миллионов долларов на право долевого владения реконструированным досуговым центром. Это мощный развлекательный комплекс с аквапарком и элитным рестораном. Следующая очередь строящегося центра в недалёкой перспективе – крытая горнолыжная трасса.

Этот центр будет твоей землей Санникова. Попробуй и сумей справиться с этим имуществом.

Дарю тебе двойную радость: остальными акциями владеет твоя бывшая пассия – бесценная Алиса. Правда, у нее теперь крутой бойфренд. Они, как это раньше говорили, любят друг друга, как Ромео и Джульетта, ха-ха, хи-хи. Однако, эти сопли, этот детский насморк лечится просто – не мне тебя учить. Кто из вас круче – не знаю. Решайте сами. Он спортсмен-разрядник, и толково взялся за бизнес.

Теперь мы с тобой квиты.

Учи, моя жизнь также дорогого стоит.

Отвали от меня и забудь дорогу ко мне.

Но доведется увидеть тебя респектабельным господином с тросточкой, во фраке и сигарой – мой учтивый поклон будет незамедлителен.

Итак, прощай и здравствуй, как можешь.

С уважением, – Сима»

Сергей Владиленович закрыл сейф и подошел к окну. Город лежал перед ним словно сломленная женщина, которой только и осталось, что услаждать его, единственно его, драгоценную жизнь. Или, быть может, город был словно спящий младенец в колыбели. Он, Сима, будет пастырем неразумному дитяти, потерявших истинных родителей.

«А кто захочет своевольства, тот его получит! Захлебнетесь в нем! И я снова пройду по вашим спинам. Даже страшно интересно, сумеет ли Влад отстоять себя, свою правду...»

Окрепший телом и духом блондин Сима в безупречном сером костюме и эксклюзивных ботинках от знаменитой фирмы, вольготно развалился в исполинском кожаном кресле и с наслаждением закурил толстую кубинскую сигару, потягивая светлое шотландское виски, которое с некоторых пор стал предпочитать. Он тоже любил ароматный и вредный для здоровья дым сигар за внезапную бодрость ума, приходящую вместе с легкими клубами горящего элитного табака.

Как будто также горела его жизнь, оставляя тонкое внезапное удовольствие.

А малые порции превосходного виски позволяли обострить ум и сгладить острые рифы бесконечных проблем, которые он научился решать, соединяя одну проблему с другой.

Осталось из последней схватки, искусно натравленных друг на друга Витамина и Влада, выйти окончательным победителем. А затем его десант будет планомерно и бескомпромиссно расширять и укоренять зону базирования на этой многострадальной земле, превращая амбар противоречивых ценностей в строгие и беспощадные правила.

Инженеры человеческих душ

«— Люди забыли эту истину, — сказал Лис. — Но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

...Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу

Антуан де Сент-Экзюпери

Это было в Париже. В меблированных комнатах гостиницы N расфуфыренная дамочка средних лет читала газету. Помнится, раньше-то она поминутно удивлялась: чего это её на газеты потянуло? Ещё раньше — чтению предпочитала забавную арифметику из весёлого хруста кредиток и шуршания помятых денежных купюр, выдаваемых клиентами за интимные услуги. Счетная наука была как единственным развлечением куцего ума, так и помогла сколотить какой-нибудь, а капиталчик.

Мишель вдруг подвернулся — оплела, обласкала, поклялась.

Сбежали вовремя из совдеповской России.

И вот она при муже да в Париже постигает таинство чтения. Чудно как! Буковка к буковке — сложилось слово. Слова садятся рядышком — получилась новая жизнь, точно такая же что и была, о чем мечталось-фантазировалось. Сотни глаз будут также читать, и её слова отзовутся в их словах. Магия искусства! Золотой дождь монет! Правда, несколько с замедленным действием. Скажем, могучий джин из лампы Алладина от прикосновения хозяйской руки тут же является для немедленного исполнения любого желания. Деньги обладают той же силой: телефонный звонок и нате получите желаемое, с одновременным списанием с банковской карты энной суммы. Не допускайте обнуления счёта — и самые заветные желания будут исполнены.

Есть чудачки, которые утверждают, что не всё можно купить. С каждым поколением таких становится меньше. Эти странные люди не от мира сего либо пишат шибко умные книги, либо перемещаются в религиозные конфессии. Там, может быть, и сокровенное знание, и символы веры, заповеди, ответы на все вопросы, путь восхождения к святым высотам. Монастыри, высокие стены, таинства, литургии... А здесь — бездна искушений, сладких на вкус, — где уж тут устоять от соблазна вкусить рай на земле прижизненно, а не пожизненно.

«А что, если замутить оригинальный путеводитель между Богом и дьяволом, между высшим и низшим? — подумывала дамочка. — И название готово — «Кошка, которая гуляла сама по себе с алой розой под хвостом». Ах, какой жизненный пласт у меня хранится в памяти! — на целый эротический сериал материалу хватит. Лишь бы на порно не сбиться, потому что этой низкосортной хавалки теперь, как грязи в заштатном городишке. Я в бытность мою, подчистую во все свои молодые года, была первой звездой лучшего секретного борделя. Суперинтердевочкой! Что за клиенты у меня были! Генералы, сенаторы, поэты и писатели! На такую шелупень, как мастеровой люд, никогда похоже киски не пачкала. Бывало с матросней путалась — это как самосаду покурить — иногда для разнообразия пойдёт. Но главная моя жила была — высшие чиновники всех министерств. Ну, и похаживали называющие себя литераторами. Не потому ли мне так и хочется в их ремесло прыгнуть? Они там о какой-то неземной любви гунторят (сами ко мне лыжи вострят?!), я им самую что ни на есть земную любовь впендюрю. Причём, это не выльется в эротические мемуарчики, паскудной жизни продажной девки, дабы кому-то на усладу сгодились мои опусы, как прежде сгодилось тело — это будет литературное

произведение с изысканной эротикой. Иначе, зачем я во Францию сиганула с дурачком французом?.. А затем, чтобы европейского шарму добавить, любовной романтикой насытиться...

Подружку себе нашла, местную журналистку русского происхождения. С её участием поплывем по волнам моей шальной сексуальной молодости. Я ей буду истории вслух наговаривать, она – это на бумагу переносить, что-то поправит, как-то слова переставит. Глядишь, и собственную книгу сделаем, запустим, раскрутим её – денежки ручьями потекут в карман. Снова я при деле и при деньгах. Всё поменяю в своей жизни: вместо гостиницы – шикарную виллу на берегу моря, соавторшу послать к чертям и самой следующую книгу состряпать. Мишеля также поскорее поменять на более респектабельного и богатого мужчину... Первые главы уже сделаны, процесс пошел, как говаривал какой-то мой клиент».

Газеты, впрочем, она читала от скуки: оживить себя известиями о новом стихийном бедствии, волне забастовок... Вот некролог попался на глаза о смерти знаменитого русского поэта. Смотрит дамочка на газетное фото и узнаёт: да он гостем к ней в Питере будто бы захаживал, по крайней мере, так пытается ей внушить соавторша... Ну, сами понимаете, какие гости в борделе. Смотрит на фото – волнение как ураган поднимается, сердце аж выскакивает. Крепилась виду не подавать. Но Мишель подметил и так ласково говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.